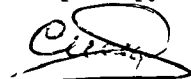

42
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

003453637

**СИМОНОВА
СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА**

**Архитектоника культуры:
проблемы этико-эстетического синтеза**

Специальность 24 00 01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

2 1 807 0003

Санкт-Петербург
2008

Диссертация выполнена на кафедре эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант

Голик Надежда Васильевна,
доктор философских наук,
профессор

Официальные оппоненты

Соколов Евгений Георгиевич,
доктор философских наук,
профессор

Исупов Константин Глебович,
доктор философских наук,
профессор

Скотникова Галина Викторовна,
доктор философских наук,
профессор

Ведущая организация Московский государственный университет им М В Ломоносова

Защита состоится "11" ноября 2008 года в 16 часов на заседании Совета Д 212 232 11 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу 199034, Санкт-Петербург, В О, Менделеевская линия, д 5, факультет философии и политологии, ауд 16.2

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им М Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан "5" ноября 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Л Е Артамошкина

Общая характеристика работы

Актуальность исследования Проблема обоснования статуса духовных ценностей культуры периодически возникает в философском самосознании Запада и России. Она может ставиться как внутрифилософская методологическая и герменевтическая проблема дифференциации «наук о духе» и «наук о природе», но может выступать и как проблема «кризиса культуры».

Рецидивы сугубо эмпирической и прагматической интерпретации человека появляются в эпохи со «слишком человеческой» ценностной шкалой. В такие периоды духовные ценности теряют свое метафизическое единство и становятся неактуальными.

Согласно классической философии, бытие духа определяется триадой истины, добра и красоты, отношения между которыми можно было бы обозначить в терминах «перихоресиса» – их неслиянно – нераздельного единства. Именно такое понимание духовной сущности культуры свойственно многим русским мыслителям. Следующее определение культуры является определяющим философским вектором, задающим смысл и актуальность нашему исследованию: «Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. В сознании человечества живет ряд вечных идеалов – истина, добро, красота, святости, – подвигающих его на творчество научное, художественное, моральное и религиозное. Плоды этого творчества, все духовные приобретения сменяющейся работы поколений образуют живую атмосферу сознательного бытия, постепенное воплощение абсолютного идеала в собирательной жизни человечества»¹.

Современная культура находится в состоянии постоянного стремления к дифференциации своих феноменов. Этот процесс имеет объективные основания. Традиционная метафизическая картина мира, основу которой образует этико-эстетический синтез в триединстве истины, добра и красоты, была поколеблена в эпоху Возрождения тенденциями автономизации эстетической сферы. Э. Панофски точно называ-

¹ Струве П.Б., Франк С.А. Очерки философии культуры // Струве П.Б. / Избранные сочинения – М.: РОССПЭН, 1999 – С. 132–133.

ет автора и произведение, с которого этот процесс приобрел необратимый характер это Альберти и его сочинение «Десять книг о зодчестве», в котором противопоставлен метафизическому пониманию красоты «чисто феноменальный взгляд греческой классики» Это способствовало «обособлению эстетической сферы», ставшему регулярной теоретической практикой, которая, в конечном счете, привела к тому, что Адорно назвал «падением эстетических жанров как жанров», и что в свое время не позволило Эмерсону причислить Гете к величайшим творцам на том основании, что творчество немецкого поэта лишено нравственного начала

Разрушенный этико-эстетический синтез отразился на индивидуальном нравственном состоянии сознания человека и проявился в негативных формах общественно-культурного бытия В такой картине мира духовные ценности не представляют собой значимости и могут рассматриваться как культурные маргиналии и рецидивы логоцентристской идеологии «Фрагментарное» сознание порождает множество картин мира, которые, при отсутствии единого смыслового начала, стимулируют тенденцию релятивизации и нигилизации духовных ценностей

В контексте современной культуры, где доминирующими оказываются неклассические этико-эстетические парадигмы, значимость духовных ценностей является менее очевидной Это порождает, с одной стороны, эклектику интерпретационных моделей современной культуры, с другой, эклектику в самой культуре, которая негативно сказывается на нравственном состоянии ее носителей

Степень изученности проблемы Поиск синтеза основополагающих этико-эстетических начал культуры имеет давнюю историю в традициях европейского самосознания В различные историко-культурные эпохи на первый план выдвигались либо этическая доминанта (в период западного средневековья), либо эстетическая (в период Возрождения) В секулярную эпоху определяющим стал механистический взгляд на культуру В этот период метафизическая цельность мировосприятия уступила место аналитическому партикуляризму сознания Возобладало понимание культуры как строго иерархизированной структуры, части которой взаимосвязаны между собой не субстанциональной органикой духа, а всего лишь прагматическим значением

В XX веке аналитическая философия приобретает доминирующее положение в

пространстве гуманитарных исследований Само по себе обращение философии к языку правомерно, обосновано и продуктивно Однако чрезмерный интерес к лексике, семантике, этимологии приводит к «усеченному» пониманию статуса духовных ценностей При этом проблема кризиса духовных ценностей в философском анализе, имеющем явную лингвоцентрическую направленность, теряет свою актуальность

Изучение вопросов этико-эстетического синтеза во многом определяется мировоззренческой позицией исследователя При всем разнообразии мировоззренческих позиций четко прослеживаются две *«секулярно-линейная»* и *«абсолютистская»* Первая рассматривает любые формы культуры и духовности с точки зрения исторического прогресса (эволюционная парадигма) В этой модели триединство истины, добра и красоты – синкретизм и архаика, которые преодолеваются по мере дифференциации и автономизации духовной и научной сфер культуры Синтетичность любого явления означает здесь нерасчлененность, неоформленность, относящуюся к архаическим эпохам Иными словами, целостность понимается в этой парадигме как неразвитость Вторая модель направлена на постижение вневременного, внеисторического (т е метафизического) характера духовных ценностей Здесь триединство – абсолют, стремление к которому и образует подлинную цель философии

Эту дихотомию было бы не совсем точно передавать через оппозицию «светское-религиозное», так как идеологическая ангажированность этих понятий слишком велика и препятствует объективному философскому анализу сложившейся ситуации

Необходимо отметить, что «секулярно-линейное» мировидение является сегодня более распространенным, чем «абсолютистское» Исследователи Гилберт К Э и Кун Г в «Истории эстетики» отметили эту тенденцию современности «Для XX столетия характерны тенденции эмпиризма, плюрализма и специфичности, а не фундаментальность и созерцательность, поэтому наш век изобилует скорее исследованиями специальных проблем, чем работами, обобщающими различные специальные проблемы»²

Автором предлагается следующая типологизация

1) западноевропейские философы XX века, продуктивно ставившие этико-эсте-

² Гилберт К Э, Кун Г История эстетики – СПб Алетея, 2000 – С 611

тическую проблематику,

2) отечественные исследователи XX века, рассматривающие этико-эстетическую проблематику в аксиологическом и онтологическом ключе,

3) современные отечественные исследователи, «диагностирующие» нарушение этико-эстетического синтеза в современной культуре,

4) произведения художественной литературы, живописи, музыки, и других жанров искусства, сохраняющие и продолжающие традиции духовного понимания искусства, в котором красота (форма выражения) гармонизирует с добром (содержание) и истиной (отношение)

Очевидно, что данные разделы не исчерпывают все имеющиеся подходы к проблеме духовных ценностей и не претендуют на полное описание источниковедческого материала

1 Западноевропейская философия XX века.

Существует огромная научно-исследовательская литература по различным вопросам этики, эстетики, специфики духовных ценностей в западной философии. Западные авторы традиционно рассматривают аксиологические проблемы этики и эстетики, в той или иной степени затрагивая проблему философского синтеза духовной сферы

Наиболее полно на уровне всей философской системы этико-эстетический синтез нашел свое выражение у Б. Кроче. В его концепции бытие образуется в результате взаимодействия логически связанных между собой категорий (традиционная триада истины, добра и красоты плюс польза). В то же время искусство («эстетический факт»), как об этом сказано в работе «Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика», свободно от зависимости морали и логики, при том, что последние – нет

Г. Гадамер в «Истине и методе» говорит о философском значении искусства, благодаря причастности к которому мы приобретаем «опыт истины». Иными словами, в «опыте искусства» приобретается «опыт истины», недостижимый никакими иными путями

Т. Адорно в «Эстетической теории» определяет сущность искусства как «трансцендентность с завуалированным значением». В качестве «сейсмограммы ужаса пра-

бытия» искусство обладает возможностью проникать в запредельные ниши безобразного и злого, расширяя тем самым инструментарий классической эстетики благодаря легализации категории безобразного

Э Панофски в своих искусствоведческих работах раскрывает автономизацию эстетического как в теоретическом плане, так и в плане художественной практики культуры. Тем самым зримо выявляется картина распада этико-эстетического синтеза, что становится основой для созданий новых форм художественного выражения.

Н Гартман в «Эстетике» ищет критерии определения «большого искусства». Исследователь считает, что «когда оно налицо, оно чувствуется с непреодолимой непосредственностью или же совсем не чувствуется»³. Все дело в органе восприятия, полагает Гартман, и если этот орган отсутствует, то никакое знание его не заменит. Но, помимо этого, Гартман называет очень важный критерий оценки качества произведения, критерий, утраченный сегодня – это проверка временем или иначе – «историчность произведения искусства».

Х Зедльмайр в книге «Искусство и истина» провозглашает метод, основанный на вере в реальность абсолютного духа. История искусств, рассматриваемая им как «история духа», предполагает религиозно-онтологический взгляд на природу духа, близкий русской религиозной философии. В качестве «доминантного фактора искусства эпохи» предлагается рассматривать не биологические, и не социальные параметры, а духовные («факты духовного мира»). Такая методология предполагает рассмотрение феноменов искусства в контексте взаимодействия их этико-эстетических и гносеологических импликаций.

Многие западные философы развивали различные аспекты этико-эстетической теории, актуальные для нашего исследования. Представляют интерес идеи Р. Дж. Коллингвуда о поэте-пророке, о целительном значении поэзии самопознания, мысли Дж. Сантаяны о символической мудрости искусства, взгляды Э. Кассирера о духовном значении для человека искусства как высшей степени символизации, размышления Дж. Дьюи о несамодавляющей сущности искусства, о его социально-этической функции придавать окончательный смысл всем проявлениям жизни, неотомистская теория Ж. Маритена, в

³ Гартман Н. Эстетика – Киев: Ника-Центр, 2004 – С. 624.

которой воссоздается традиционное триединство истины, добра и красоты как духовной сущности искусства

2 Отечественные исследователи XX века

Многие современные исследователи в той или иной степени разрабатывают теоретические проблемы культуры через анализ ее этико-эстетических начал. Синтетический инструментарий, выработанный в рамках философии культуры и культурологии, оказывается весьма продуктивным. Среди недавних исследований можно отметить работы А. П. Валицкой, Н. В. Голик, А. А. Грякалова, Б. С. Ерасова, К. Г. Исупова, М. С. Кагана, Н. Б. Маньковской, Б. В. Маркова, М. С. Уварова и др.

Работы, в которых духовные ценности рассматриваются непосредственно в контексте триединства истины, добра и красоты, принадлежат таким авторам как А. В. Гулыга, К. М. Долгов, Л. Н. Столович, В. П. Фетисов, В. Н. Шердаков.

Целостный характер человеческого знания основывается на синтетических механизмах восприятия, мышления, переживания, понимания. Он предполагает целостное бытие в совокупности своих этических, эстетических и логических проявлений. В этом смысле значимым представляется подход Л. Н. Столовича к феномену ценности, обозначенный им самим как «эстетическая аксиология». Ценность, согласно Л. Н. Столовичу, синтетическое понятие, означающее *триединство Истины, Добра и Красоты*. Это есть «аксиологическая триада», имеющая фундаментальный онтологический статус, коренящийся первоначально в стихии философско-эстетического и философско-нравственного вопрошания⁴.

Одним из первых серьезных опытов осмысления соотношения этического и эстетического в советской философии можно считать монографию «Этическое и эстетическое». Авторы этой монографии (Т. Д. Верещагина, В. Г. Иванов, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, Л. И. Новожилова, Н. В. Рыбакова, Т. В. Холостова) всесторонне рассмотрели проблему взаимоотношения этического, а также структурной взаимосвязи этического и эстетического⁵. Представленные в этой монографии размышления о взаимоотношениях этического и эстетического сохраняют

⁴Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. – М.: 1994.

⁵ Этическое и эстетическое / Под ред. М. С. Кагана, В. Г. Иванова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 119 с.

свою актуальность и для современного анализа

Современные исследователи обращаются к изучению различных аспектов взаимоотношения истины, добра и красоты в контексте духовной культуры. Значительный интерес для нас представляет сборник работ «Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного» (под ред. Н. Д. Арутюновой), в котором рассмотрена через лингвистическую призму семантика эстетической оценки. Исследование посвящено изучению того, как в семантике естественных языков «представлена великая триада ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА». Семантика эстетической оценки включает в себя смежные области – этическую и гносеологическую.

В монографии «Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре» К. М. Долгова принципиальными являются характеристики отечественной эстетической мысли⁶. В названии монографии В. В. Бычкова «Русская теургическая эстетика» содержится ключевое понятие – «теургия», которое является сущностной характеристикой русской духовно ориентированной эстетики⁷.

3 Критический анализ современной культуры

В работах многих отечественных и зарубежных философов, мыслителей, ученых выражена серьезная озабоченность состоянием духовных и нравственных ценностей современной культуры. Слово «кризис», часто употребляемое в современных гуманитарных исследованиях, не исчерпывает существа проблемы.

В книге Ю. Н. Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия» дан не только глубокий анализ современных культурных процессов, но также предлагается конкретная нравственно-философская «программа» преодоления многих тупиковых путей современной культуры. Реальность этой программе задает живая национальная традиция отечественной философии, которая может стать критерием при анализе процессов современной культуры. А. В. Гулыга в книге «Эстетика в свете аксиологии»⁸ под-

⁶ Долгов К. М. Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре — М: Прогресс-Традиция, 2004 — С. 999.

⁷ Бычков В. В. Русская теургическая эстетика / В. В. Бычков, Рос. акад. наук, Ин-т философии — М: Ладомир, 2007 — С. 714.

⁸ Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке — СПб.: Алетейя, 2000 — С. 38.

черкивает, что сложившаяся сегодня ситуация в эстетике является проекцией современной философской картины мира. Главный вывод этой работы в том, что красота как основная категория эстетики постепенно исчезает из поля деятельности этой науки, что влечет за собой исчезновение красоты из самого искусства.

Современный художник и искусствовед В. Л. Крылов рассуждает об отсутствии определений искусства как об отсутствии эстетических критериев современного сознания, для которого оказалась разрушенной ценностная иерархия с ее полярностями «прекрасное»–«безобразное», «талантливое»–«бездарное»⁹

Этика, несмотря на нравственную центрированность русской философии, находится на периферии современного гуманитарного знания и образования. Ситуация достаточно точно трактуется В. Н. Назаровым как смена «этоса» на «эстетизм»¹⁰

Критическую точку зрения на постмодернизм за его «экспансионистские поползновения» к разрушению всех форм духовной жизни высказывает В. К. Кутырев. Он характеризует современную постмодернистскую ситуацию в терминах «разрыва»¹¹

Эти мнения отражают реальное состояние современной неклассической этической и эстетической парадигмы культуры. Однако неклассические этические и эстетические парадигмы постмодернистской культуры могут трактоваться в терминах разочарования в идеалах рационализма, имевших господствующее положение в культурах предшествующих эпох. Эта точка зрения представлена в трудах Н. Б. Маньковской. «Постмодернистское уmonoстроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей»¹²

4 Художественная литература

Современная русскоязычная литература не богата произведениями, стремящимися к классическим этическим и эстетическим канонам. Однако можно обнаружить линию, продолжающую исконную традицию русской литературы, в которой эстетическое выражение сопрягается с этическим содержанием. Это, прежде всего, В. Белов, Л. Боро-

⁹ Крылов В. Л. Убить искусство. От Малевича и Пикассо до Глазунова и концептуалистов – М. Астрей, 2005 – С. 5

¹⁰ Назаров В. Н. История русской этики – М. Гардарики, 2006 – С. 289

¹¹ Кутырев В. А. Философия постмодернизма – Нижний Новгород, 2006 – С. 9–10

¹² Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма – СПб. Алетейя, 2000 – С. 10–11

дин, А Варламов, В Ганичев, Н Дорошенко, Г Иванов, Н Коняев, В Крупин, С Ку-
няев, В Личутин, Ю Лощиц, С Лыкошин, Е Носов, О Павлов, Н Переяслов, В Рас-
путин, А Ребров, А Сегень, и др

Цели и задачи исследования: выявить архитектонику культуры и раскрыть
эвристический потенциал классической этико-эстетической парадигмы Для этого
необходимо решить следующие задачи

- определить совокупность классических представлений о три-
единстве истины, добра и красоты,
- обосновать идею об инвариантном ядре духовных ценностей, прояв-
ляющихся в триединстве истины, добра и красоты,
- выявить эвристический потенциал классической этико-эстетической
парадигмы культуры и ее современных рецепций в отечественной филосо-
фии,
- рассмотреть варианты обособления истины, добра и красоты, связан-
ные с их пониманием как автономных и независимых друг от друга катего-
рий (гносеологизм, морализм, эстетизм),
- проанализировать состояние современной отечественной культуры,
выявив в ней различные аксиологические парадигмы

Методология исследования Цели диссертационного исследования требуют
применения синтетической философско-культурологической методологии Слож-
ность исследуемого феномена и принципиальная установка на междисциплинарность
определили спектр применяемых методов. В работе используются контекстуальный
метод текстологического анализа источников, метод сравнительного и системного
анализа, метод историко-философской реконструкции, метод культурологического
описания феноменов

Теоретические источники исследования Основным теоретическим материалом
исследования являются философские теории, в которых проявлено стремление к этико-
эстетическому синтезу Это античные авторы (Аристотель, Платон, Плотин), западно-
европейские средневековые философы и теологи (Фома Аквинский, Бонавентура), пред-

ставители немецкой классической философии (Кант, Лессинг, Гегель, Шеллинг), философы XX века (Маритен, Швейцер)

Существенное влияние на формирование представлений автора о неразрывном единстве истины, добра и красоты как основании духовных ценностей оказали русские мыслители, философы и писатели, прежде всего Ф М Достоевский, В С Соловьев, Н Ф Федоров и др

Общая концепция исследования формировалась при изучении трудов русских философов, у которых наиболее ярко освящена этико-эстетическая проблематика Это М М Бахтин, Н А Бердяев, С Н Булгаков, Б П Вышеславцев, А И Галич, А И Герцен, И А Ильин, Л П Карсавин, К Н Леонтьев, Н О Лосский, Д С Мережковский, Н И Надеждин, В Ф Одоевский, В В Розанов, Г Сковорода, Е Н Трубецкой, С Н Трубецкой, П Флоренский, Г Флоровский, С Л Франк, П Я Чаадаев, С П Шевырев, Л Шестов, Г Г Шпет, К А Эрберг и другие выдающиеся мыслители

Значительную помощь в нашем исследовании оказали работы по истории русской философии, культурологии, в которых раскрывается духовное своеобразие отечественной культуры Среди этих авторов необходимо отметить исследования С С Аверинцева, Т А Артемьевой, В В Библихина, В В Бычкова, Н К Гаврюшина, Г Д Гачева, М Н Громова, И И Евлампиева, Е Б Емелянова, А А Ермичева, А Ф Замалеева, К Г Исупова, С Н Иконниковой, А А Королькова, Л К Кругловой, Д С Лихачева, А В Малинова, М А Маслина, А В Милькова, Л М Мосоловой, А С Панарина, С Г Семеновой, В В Сербиненко, Г В Скотниковой, Е Г Соколова, М С Уварова, С С Хоружего и др

Автор использовал современные работы по проблемам этики, нравственной философии Р Г Апресяна, Г С Батищева, А А Гусейнова, Ю Н Давыдова,

О Г Дробницкого, Е Л Дубко, А Е Зимбули, Е Н Мелешко, В Н Назарова, А П Скрипника, В Ш Сабинова, О С Соиной, А И Титаренко, В П Фетисова, В Н Шердакова и других

Существенную помощь оказали автору искусствоведческие и литературоведческие работы как отечественных исследователей - Ю А Айхенвальда, М Н Бойко, С И Великовского, А Г Гачевой, М Н Цветаевой, так и зарубежных - Ш Бодлера, П

Валери, И Тэна

Научная новизна исследования

- определена иерархия духовных ценностей культуры инвариантным ядром которых является триединство истины, добра и красоты,
- показано, что распадение этико-эстетического синтеза проявляется в абсолютизации одного из начал духовных ценностей (абсолютизация добра – морализм, абсолютизация истины – гносеологизм, абсолютизация красоты – эстетизм),
- введена в научный контекст новая терминология («этико-эстетический перихоресис», «архитектоника культуры»),
- поставлен вопрос о своеобразии русского философского языка, укорененного в традициях восточнохристианской культуры,
- раскрыты эвристические возможности концепций французской эстетической мысли Бодлер, Тэн, Валери

Положения, выносимые на защиту.

- 1 Статусная определенность духовных ценностей проявляется в виде синтеза (триединства) истины, добра и красоты, который на уровне феноменологического прочтения культурных текстов эксплицируется в форме перихоресиса, то есть неслиянно-нераздельного единства этих трех ипостасей духовности
- 2 Триединство истины, добра и красоты имеет методологическое значение для этики, эстетики, гносеологии, культурологии Применительно к этике принцип триединства означает возможность постижения подлинного добра только в контексте его взаимосвязи с истиной и красотой, применительно к эстетике этот принцип означает раскрытие истинного смысла красоты во взаимосвязи с истиной и добром, а для гносеологии необходимо сопряжение истины с добром и красотой
- 3 Классическая этико-эстетическая парадигма отличается метафизически содержательным и эвристически ценным набором теоретических концепций, отражающих универсальные характеристики духовных ценностей и философского мышления, способного адекватно и продуктивно постигать их сущность
- 4 Абсолютизация наличных, преимущественно игровых форм культуры, в кото-

рых происходит отрицание классического наследия и фундаментальных классических принципов философского мышления, отрицание классических этико-эстетических и гносеологических парадигм не приводит к созданию новой творчески и духовно продуктивной реальности, так как постмодернистская онтология «нигилизирует» саму себя в акте иронично-игровой самореференции

5 Постмодернистская интерпретация художественного творчества, феноменов духовного бытия культуры оказывается во многом неадекватной культурным реалиям России и неприменимой в качестве философского инструмента для анализа современной социокультурной действительности

Теоретическая и практическая значимость исследования

Рассмотрение триединства истины, добра и красоты как основы духовных ценностей культуры дает углубленное представление о природе духовности. Материалы диссертации позволяют выявить специфику этико-эстетических ценностей и их статуса в культуре. Результаты исследования могут быть использованы для построения общей картины действительного состояния культуры России, для разработки проектов и программ в области культурной политики. Положения и выводы исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по культурологии, теории культуры, этике, эстетике, истории русской и зарубежной культуры.

Апробация работы. Результаты исследования и его основные положения были представлены на научных форумах: Первый культурологический конгресс (СПб, 2006), X-е Болховитиновские чтения (Воронеж, 2007), всероссийская конференция Дни петербургской философии «Гармония и хаос: этико-эстетические аспекты» (СПб, 2006), ежегодная конференция «Автор и зритель: интерпретация и творчество» (СПб, 2007), международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы гуманитарного образования в техническом ВУЗе» (Воронеж, 2007), межвузовская научная конференция «Русская философия о преображении человека и мира» (Воронеж, 2007), ежегодная международная научно-практическая конференция «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж, 2007), ежегодная междуна-

родная научно-практическая конференция «Культурология пересечение научных сфер» (Воронеж, 2008), IX ежегодная конференция «Горизонты культуры от массовой до элитарной» (СПб, 2007), этико-философский семинар им А. Платонова при научно-образовательном центре ВГУ (Воронеж, 2008)

Результаты исследования отражены в 27 публикациях, в том числе в монографиях «Россия и Франция: опыт культурного взаимодействия» (Воронеж, 2006 – 9 п. л.), «Архитектоника культуры: проблемы этико-эстетического синтеза» (Воронеж, 2008 – 14 п. л.), в учебно-методическом пособии по культурологии для юристов (Воронеж, 2006 – 14 п. л.), учебном пособии по этике (Воронеж, 2007 – 4,65 п. л.), учебно-методическом пособии по культурологии для студентов естественных факультетов (Воронеж, 2008 – 14 п. л.), в программе курса «Театр в контексте западно-европейской культуры» (Воронеж, 2006 – 2 п. л.)

Основные положения диссертации использовались в лекциях и на семинарских занятиях по курсам «Театр в контексте западно-европейской культуры», базовых курсах по культурологии всех факультетов Воронежского государственного университета. Апробация работы осуществлялась в процессе преподавательской деятельности на кафедре культурологии Воронежского государственного университета и кафедре философии Воронежской государственной технологической академии. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя шестнадцать параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматриваются актуальность темы, степень ее разработанности, определяется методологическая установка диссертанта, указываются цели и задачи исследования, научная новизна работы, даются положения, выносимые на защиту, теоретическое и практическое значение работы, ее апробация

В первой главе **«Духовные ценности культуры: вопросы этико-эстетического синтеза»** обосновывается идея о том, что духовные ценности выступают в качестве основы культуры

1.1 **Этическая верификация духовных ценностей.** Здесь представлены взгляды философов, осмысливающих реальное бытие культуры с позиций нравственной философии. Это осмысление приводит к констатации наличия в действительности дисгармонии этических и эстетических начал

Так, в статье «В защиту этики» Г. П. Федотов призывает к возвращению «тройственной державы», идеального мира с его «тремя царствами» истины, добра и красоты. Пересмотр границ этой «иерархии идеального мира», утверждает философ, делается нередко. Так, в равной мере имеют место и «аннексия добра красотой» и «низведение истины с переводом ее на демократический режим экономии, полезности, прагматизма». Эта абсолютизация либо эстетических, либо гносеологических начал в ущерб целостности – знак негативных нравственных сдвигов в культуре.

В схожей тональности рассуждает С. Н. Булгаков в своей известной статье о творчестве П. Пикассо «Труп красоты», где говорится о забвении духовного смысла красоты. Однако знаком кризиса культуры является не только дисгармония этико-эстетических начал, но и тот «синтез искусств», о котором так критично отзывался Г. Г. Шпет, называя его «самой вздорной во всемирной культуре идей». Такой псевдосинтез есть плод дилетантизма, «вавилонского столпотворения» культуры, смешения стилей, жанров, школ, направлений, идей, которое в зачатке появилось во времена Шпета и вполне зримо проявляется сегодня во многих постмодернистских течениях.

За этими негативными процессами в культуре кроются более существенные явления в духовных пластах бытия. Речь идет о релятивизме культуры, который впервые

проявил себя в философии как отрицание возможности и необходимости построения целостных и синтетических систем, как отрицание целостности философского мировосприятия. Такова особенность, если не закономерность современного мышления. Мы живем «в эпоху, когда «распад философии» становится очевидным» философия «растекается в логику, психологию и социологию» (М. Хайдеггер).

В параграфе приводятся точки зрения С. С. Аверинцева, А. Белого, В. В. Библина, С. И. Великовского на проблему релятивизма культуры и духовного отчуждения человека. Констатируется, что в современной культуре явления ценностного распада, мировоззренческого упрощения воспринимаются как некая норма новой культуры, норма экзистенциального мироощущения, утратившего этические измерения.

В диссертации раскрывается специфика этики как инструмента верификации духовных ценностей. Идеи Гегеля о сущности нравственного сознания, высказанные им в «Философии права», а также мысли С. Л. Франка из книги «Реальность и человек» подтверждают тот факт, что именно этика обладает необходимым философским и духовным потенциалом для полноценного анализа культуры.

В этом смысле в работе предлагается рассматривать современный культурный процесс не только с позиций «сущего», но и «должного». Это предполагает применение метафизического принципа триединства истины, добра и красоты в качестве этического, эстетического и гносеологического абсолюта.

В диссертации вводится понятие «архитектоника культуры» в кантовском смысле архитектоники как «искусства построения системы», основанной на идее единства знаний, целостности формы и неслучайности целей. Архитектоника применительно к культуре есть триединство истины, добра и красоты, которое представляет собой не данность, но заданность идеального бытия культуры, чья истинная сущность определяется наличием стремления к синтезу начал истины, добра и красоты, которое образует высшее единство культуры, а значит ее неслучайность для человеческого бытия.

В разделе также ставится вопрос об природе ценностей. В связи с этим рассматриваются взгляды В. Вундта, А. С. Гулыги, А. А. Ивина, С. Н. Черняковой. Показано, каким образом формируются понятия «ценность», «благо», «оправдание». При раз-

личной трактовке природы ценностей неизменным является констатация связи с духовным бытием. В этом смысле этическая верификация духовных ценностей является наиболее адекватным методом для гуманитарных наук.

1.2. Этико-эстетический синтез как онтологическая основа духовных ценностей. Параграф посвящен обоснованию положения о том, что объективное бытие духовных ценностей определяется триединством Истины, Добра и Красоты, что является инвариантным по отношению к различным устроениям той или иной культуры или эпохи.

Диалектико-антиномические отношения между членами традиционной триады раскрываются через термин «перихоресис» – «неслиянно-нераздельное» единство трех разнородных и глубоко родственных начал. Сущность «перихоресиса» формулируется следующим образом: трагически-антиномический характер наличного бытия культуры состоит в том, что триединство истины, добра и красоты находится в состоянии «неслиянности» этих начал, в тоже время стремление к этико-эстетическому единству («нераздельность») образует идеальное бытие культуры, что является архитектурной культурой, в которой представлены идеи единства и неслучайности высших целей человеческого существования. Понятие перихоресис соответствует идее Канта об архитектурной природе человеческого разума («Человеческий разум по природе своей архитектурен»), который стремится к построению системы знания, и который в своем стремлении наталкивается на антитезис, утверждающий невозможность завершения системы знаний.

Иными словами, понятие перихоресис описывает наличное состояние культуры как неслиянность истины, добра и красоты, а понятие архитектура культуры – идеальное состояние, состояние стремления к нераздельности этих начал. Метафизическое триединство категорий духа, чьи внутренние диалектические и антиномические отношения обозначаются понятиями перихоресиса и архитектуры, является нормой философского мышления, суть которого заключается в том, чтобы постигать идеальное бытие духа. Для подтверждения этой мысли приводится широкая палитра взглядов как современных исследователей, так и классических авторов, выражающих син-

тетические идеи наиболее полно и обосновано

В параграфе показана продуктивность «антисинтетических идей»

Г

Г Шпета, высказывавшегося против «синтеза искусств» (Эстетические фрагменты, 1922) и против «тройственного канона системы философии» (доклад «Проблемы современной эстетики» 1922), где идет речь о том, что логика, этика и эстетика образуют последовательную «лестницу восхождений» с проекцией в истину, добро и красоту, но в которой эстетика является всего лишь «привеском» к философской системе, а значит и красота не раскрывает своего подлинного статуса и значения

Идеи Шпета позволяют понять, что раскрытие собственно специфической предметности эстетики отнюдь не нарушает глубинного взаимодействия ее с этикой и логикой. Неправильно понятое триединство опасно тем, что устраняет значение этики, эстетики, и логики, что приводит к неправомерному преувеличению каких-то отдельных начал. Это морализм, связанный на самом деле с непониманием подлинной специфики добра, это эстетизм, связанный с непониманием природы красоты, это рационализм, связанный с непониманием сущности истины. Философия Шпета, направленная на выявление онтологической специфики эстетики, способствует преодолению этих форм неправомерной абсолютизации, которая имеет место в морализме и эстетизме.

Близкие Шпету идеи высказывает Г. П. Федотов, обосновывая идею «неслиянно-нераздельного» единства истины, добра и красоты. У философа наиболее важной является аналитика «неслиянности», при недооценке которой могут происходить подмены и смешения. Федотов утверждает, что «три верховных царства совершенно несводимы друг к другу». Есть нечто, сближающее этику с миром познания, и нечто, сближающее этику с миром творчества. Понять это, значит научиться качественной дифференциации внутри ценностных миров этики, эстетики, теории познания. Этика находится в центре триады, соединяясь с эстетикой и гносеологией своими собственными, глубоко личностными связями.

В диссертации отмечается значимость и актуальность исследуемой проблематики. Приводятся взгляды исследователей советского периода (Г. С. Батищев, А. В. Гулыга, М. С. Каган, Я. А. Мильнер-Иринин, Л. Н. Столович, В. П. Тугаринов, В. Н. Шердаков), которые были приверженцами синтетической методоло-

гии, подчеркивая в триединстве Истины, Добра и Красоты основу человеческого бытия и культуры, искомый принцип подлинного творчества и жизни

Природа человеческой духовности такова, что внутреннее, органическое этическое-эстетическое единство представляет собой ее основание. Бытийственная целостность духовных ценностей проявляется в виде синтеза (триединства) истины, добра и красоты, который на уровне феноменологического прочтения текстов культуры эксплицируется в форме перихоресиса, то есть неслиянно-нераздельного единства этих трех ипостасей духовности. Это порождает с одной стороны антиномичность и парадоксальность в отношениях между этими тремя ипостасями духовности, с другой, образует живой диалектический процесс философии и культуры.

Язык этики оказывается наиболее адекватным языком, способным раскрыть, а значит, и верифицировать бытийственный смысл и статус духовных ценностей. О значимости этики в качестве универсального языка духовной культуры говорили классики русской мысли (Г. П. Федотов), говорят об этом и современные исследователи. Это не случайно, так как этикоцентризм является наиболее глубинной сущностью отечественной философии. Наиболее существенные отличия русской философии от западно-европейской содержатся в различной трактовке, и более глубоко, в различном понимании природы нравственности. Если для Канта, выразившего наиболее системно принципы рациональной метафизики, сферы разума и веры, теории и практики, науки и нравственности разъединены, по сути, добро и истина – разные категориальные области, то специфика русской философии в обратном – нравственность первична по отношению к любым формам теоретической деятельности. Что касается самого понятия «духовные ценности», то именно в русском языке и в контексте отечественной культуры, это словосочетание принимает по-преимуществу нравственные характеристики.

Во второй главе **«Триединство истины, добра и красоты в истории философской культуры России и Запада»** рассматриваются различные периоды в европейской философской культуре, в которых философия логически фиксировала данное триединство как абсолютную метафизическую норму, являющуюся основанием

для жизни и творчества

2.1. Античные представления о сущности доброго, истинного и прекрасного В параграфе показано, что базовые понятия античной философии оказываются понятиями синтетическими, в которых проявлено, прежде всего, единство этико-эстетических и гносеологических начал

Сократовский способ философствования характеризуется стремлением к тождественности познавательного и этического. Исходный тезис Сократа означает совпадение познавательного и этического опыта, добродетели и знания. Единство блага и истины в философии Сократа было проявлено во всей полноте.

В диссертационном исследовании раскрывается, как в философии Платона образуется прообраз того, что впоследствии станет основой для любых синтетических построений. Пытаясь выявить природу Блага, Платон прибегает к идее «смешения» различных сущностных категорий. Цель – «получить самую прекрасную и устойчивую смесь» и попытаться узнать, «что такое естественное благо в человеке и во Вселенной и какую идею нужно угадать в этой смеси». Следующее рассуждение из диалога «Филеб» можно считать классическим выражением идеи триединства истины, добра и красоты: «Вот теперь сила блага перенеслась у нас в природу прекрасного, ибо умеренность и соразмерность всюду становится красотой и добродетелью. Если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймаем ее тремя – красотой, соразмерностью и истиной, сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благодати самая смесь становится благом»¹³.

Античность выработала понятие «калокагатия» в качестве синтетического инструментария философии. Калокагатия является высоким идеалом, организующим проявления телесно-духовной жизни человека в осмысленную целостность. Как целостное синтетическое понятие «калокагатия» встречается в своей теоретической проработанности у Аристотеля в «Эвдемовой этике». Здесь это понятие трактуется как «нравственная красота». «Прекрасное» и «благое» – понятия онтологические у Аристотеля, то и другое «по природе», «само по себе», то есть бытийно, заслуживает

¹³ Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий – М. Мысль, 1999 – С. 83.

избрания и поощрения

Этическая оппозиция «добро-зло» непосредственным образом встроена у Платона в эстетическое пространство с его оппозицией «красота-безобразие». Этическое дает легитимацию эстетическому, так как для Платона материальный, чувственно воспринимаемый мир значительно уступает по эстетической и этической ценности идеальному, умопостижимому миру, он может быть назван прекрасным лишь по мере проникновения высшего идеального начала. Прекрасное, в конечном счете, оказывается у Платона тождественно «добру». Душа получает этическое задание взирать на душу тех, кто совершает прекрасные дела.

Античная культура вырабатывает идеал, в котором этическое, эстетическое и логическое находятся в гармонии. Полнота бытия покрывает и «доброе» и «прекрасное» и «истинное», образуя, тем самым, подлинный синтез. Не самодостаточные и автономные начала истины, добра и красоты, но их «смесь», о которой говорит Платон в «Филебе», представляет собой в античности истинное положение вещей. Это платоновское «смешение» и есть онтологический принцип, явившийся основой для синтетического единения основных начал бытия.

Делается вывод о том, что античная философская культура очертила круг вопросов, связанных со взаимодействием этики, эстетики и онтологии. Духовные поиски античности способствовали тому, что христианство смогло осуществить целостную программу этико-эстетического синтеза в искусстве и философии.

2.2. Синтетические построения в западноевропейской философии В параграфе исследуются соответствующие воззрения Канта, Лессинга, Шиллера, Гегеля, Шеллинга.

Анализ истины, добра и красоты у Канта представлен на уровне фундаментальной аналитики, которая предполагала автономное постижение этих начал в их собственной сущности, а затем выявление их глубинной связи. В «Критике способности суждения» это проявляется наиболее наглядно и очевидно. В 59 параграфе, который носит название «О красоте как символе нравственности», утверждается: «прекрасное есть символ нравственно доброго, и, только принимая это во внимание, оно и нра-

вится »¹⁴

Это утверждение раскрывает глубокую взаимосвязь этического и эстетического, добра и красоты Кант показывает, насколько имплицитно нравственная оценка лежит в эстетических суждениях и ощущениях

Если Кант создал основы для фундаментального философского синтеза, включающего в себя все высшие проявления этического, эстетического и логического, то идеи Г-Э Лессинга показывают, как через эстетическую канву исследования прорастают этические представления В «Гамбургской драматургии» раскрыта нравственная функция искусства В «Лаокооне», другом значительном труде Лессинга по эстетике, автор задается важнейшим вопросом о художественном изображении внутренних, «нравственных потрясений» человека Здесь Лессинг ставит вопрос об эстетической адекватности этического состояния Лессинг показывает, что этика оказывается вpleтенной в глубину «эстетического дискурса», в самую сущность эстетической аргументации Произведения Лессинга дают наглядный пример этико-эстетического синтеза

Шиллер как теоретик искусства был особенно чуток к моральным идеям Канта Это проявилось достаточно сильно в работах Шиллера «Письма об эстетическом Эстетическое у Шиллера представляет собой переход к моральному, что можно интерпретировать как путь к синтезу этико-эстетических начал, в котором добро и красота находятся в состоянии перихоресиса, так как каждая выполняет свою функцию в гармоничном развитии человека

Шеллинг в «Философии искусства» дал онтологическое обоснование триединства истины, добра и красоты, выстроив фундаментальную, и одновременно, органичную систему триединства

В философии Гегеля красота может соединить истину и добро родственными узами Философ полагал, что искусство представляет собой духовную ценность культуры Искусство, в силу особого свойства своего материала (чувственного), являясь духовным, не растворяется в нем, духовное же в свою очередь, в искусстве получает возможность преображающе (одухотворяюще) действовать на материю

Философия абсолютного духа Гегеля раскрывает высшие духовные потенции

¹⁴ Кант И Критика способности суждения // Соч в 6 т – М Наука, 2006 – Т 5 – С 375

красоты, что делает ее тождественной истине. Но истинное отличается от прекрасного потому, что предметом и содержанием истинного является всеобщая идея, которой чуждо какое-либо «чувственное и внешнее существование». Это момент неслиянности истинного и прекрасного, который является диалектически необходимым для полного единства и синтеза.

2.3. Западноевропейская философия XX века. К наиболее значимым работам, затрагивающим исследуемый вопрос, можно отнести исследования Б. Кроче и Ж. Маритена.

Б. Кроче выстраивает целостную систему бытия, в которой органично сопresentствуют различные категории, принципы и способности человека. Согласно традиционной демаркации духовных способностей человека, Кроче выделяет два вида духа – теоретический и практический. Соответственно, образуется система традиционных ценностей, в которой истина, добро и красота (и еще польза) образуют целостный иерархический строй. Онтологическую синтетичность философским построениям Кроче придает его понимание эстетики как «науки о выражении».

Ж. Маритен в своей работе «Искусство и схоластика» («L'Art et Scolastique»), посвященной томистской эстетике, выходит на широкий круг проблем современной философии искусства. Применяя традиционный для католической догматической схоластики принцип аналогии, Маритен утверждает, что вещи содержат «единичный и преломленный» отблеск божественного лика, который является «высшей аналогией» всех вещей и понятий тварного мира. На этом основании достигается высший синтез искомого триединства. Но в неидеальной действительности этот синтез всегда нарушается, что и приводит к бесконечным конфликтам внутри философии и культуры. Однако только на основе трансцендентного, в котором гармонично взаимодействуют истина, добро и красота, люди могут преодолеть бесконечный эгоизм своих чувственных потребностей, индивидуализм своей самости.

2.4. Духовный синтез русской философии. Параграф посвящен синтетическим построениям в русской философской культуре XIX-XX вв. Приводятся взгляды различных исследователей, сходных в общей интерпретации русской культуры как

культуры с ярко выраженным духовным ядром

В разделе проанализированы некоторые воззрения философов и писателей XIX В частности, весьма интересные идеи этического свойства высказывает В Ф Одоевский а своих «Психологических заметках» Философ «общего дела» Н Ф Федоров не мыслит искусство в отрыве от целостной истины бытия, для него искусство – это фундаментальная преображающая способность, которую человек, наряду с наукой должен использовать в целях духовно-физического преобразования мира Ф М Достоевский показывает, что добро, истина и красота неразрывны, и в тоже время всегда находятся в остром драматическом конфликте, что это и составляет главную загадку человека

В русской философии идея синтеза проходит рефреном через многие построения Это и «Столп и утверждение истины» П А Флоренского, и «Условия абсолютно добра» Н О Лосского, и «Непостижимое» С Л Франка, и «Идея катастрофического прогресса» В Ф Эрна, и многое другое Однако наиболее ярким представителем синтетической традиции в русской культуре является Вл Соловьев Анализу его взглядов посвящена значительная часть раздела Согласно его учению, интегральная цель человеческого существования требует синтеза всех духовных (этических, эстетических, интеллектуальных) потенций человека В параграфе рассмотрены течения в отечественном искусстве, находившиеся под влиянием теургических идей Соловьева

В конце главы делается вывод о том, что наиболее зрелые формы культуры (в том числе и философской) возможны тогда, когда духовные интенции самой культуры стремятся к органике и синтезу истины, добра и красоты Наивысший уровень этико-эстетический синтез достиг в философских культурах античности, средневековья, немецкой классической философии, русской культуры серебряного века (с ее предтечами в лице Достоевского, Соловьева и Федорова)

Стремления к дезинтеграции, антисинтезу возникают тогда, когда духовные устремления самих исследователей и соответственной культурной практики находятся в кризисном состоянии Скептицизм, релятивизм, гедонизм, нигилизм – вот духовный контекст мироощущения, из которого возникает установка невозможности и не-

нужности стремления к синтезу истины, добра и красоты. Но это оказывается весьма непродуктивным в творческом и культурном плане.

Третья глава «**Феномен эстетизма: антиэстетическая абсолютизация красоты**» посвящена анализу тех искажений этико-эстетического синтеза, которые ведут к таким феноменам как «морализм» и «эстетизм». Каким образом происходит распадение искомого идеала триединства истины, добра и красоты, и в какие культурные формы (как правило, уже псевдо-культурные) это превращается?

3.1. Псевдо-нравственная сущность морализаторства. Здесь раскрываются механизмы неоправданно завышенных требований со стороны морали по отношению к искусству, жизни, культуре, творчеству.

В диссертации показано, что морализм – это довольно сложное явление в духовной культуре, и его нельзя постичь простой ссылкой на искажение и деформацию нравственного сознания, связанного с гипертрофией в нем морального начала. Моральное начало действительно имеет определенную приоритетность в структуре человеческого бытия и сознания, о чем говорит Кант в «Критике чистого разума» применительно к преимуществу моральной философии.

Важно отметить, что в особенностях русской семантики содержатся некоторые существенные аксиологические моменты. На этот факт обращает внимание С. Г. Семенов, отмечая особый статус слова *правда* в русском языке. В контексте русской культуры сложились особые (и философские, и языковые) предпосылки для появления морализма. Но именно русская философия наиболее остро и точно подметила опасность и пагубность этого искажения подлинной нравственной жизни человека.

Феномен морализма подвергался подробному разбору и критике в истории этической мысли. В русской философии наиболее глубокий анализ этого феномена дан С. Л. Франком в его статье «Этика нигилизма» и И. А. Ильиным в книге «О сопротивлении злу силою». В определенном смысле эти работы можно считать классическими в осмыслении тематики морализма.

Франку удалось выделить этический субстрат феномена морализма. Проанализировав деформации нравственного сознания, происходящие от гипертрофированного

морального чувства в душе русского интеллигента, философ показал, что абсолютизация даже таких высоких ценностей и чувств как нравственные ценности и чувства в ущерб остальным (теоретическим, эстетическим, религиозным), приводит в действительности к утилитаризму в морали, а затем и политической прагматике и конъюнктуре. В итоге, говорит Франк, ценности теоретические, эстетические и религиозные приносятся в жертву моральным ценностям. Это неоспоримо свидетельствует о необходимости триединства Истины, Добра и Красоты для полноценной жизни человека.

В работе «Национальность и общечеловеческие задачи», посвященной выявлению особенностей «русской народной психологии», П. Е. Астафьев также указал на особое гипертрофированное чувство нравственности, которое присуще русским. Астафьев говорит о драматическом столкновении в душе русского человека «моральности» и «легальности», что и порождает феномен русского морализаторства.

Г. П. Федотов достаточно точно показывает последствия «морального гиперблизма». Философ чутко уловил ситуацию появления имморализма в результате гипертрофирования исключительно этического начала, тем более этического, лишенного духовных измерений. Можно сказать, что утилитарные тенденции в искусстве и в жизни вызваны сменой духовных приоритетов.

Г. Г. Шпет утверждает трансцендентную сущность эстетического наслаждения, в результате которой происходит очищение и приобретение нового опыта для жизни. Это духовно-нравственное понимание сути искусства как преображения действительности. Эстетическое разрушается более всего вторжением в него инородного или сведением его к иному. В этом смысле Шпет – яростный противник морали, так как сведение эстетики к морали – знак самого грубого утилитаризма и прагматизма.

Раскрытие трансцендентной сущности красоты имеет место у С. Л. Франка в книге «Непостижимое». Абсолютная ценность прекрасного есть духовность, имеющая онтологическую сущность. Эти свойства красоты не позволяют уничижительно относиться к эстетической сфере, но вызывают к тому, чтобы уловить в ней духовные свойства.

В работе М. Н. Каткова «Пушкин» имеет место серьезная антиморалистическая аргументация, которая вызвана утилитаристской трактовкой Пушкина у Чернышев-

ского Свои антиморалистические размышления Катков основывает не на аргументах чистого эстетизма, а на синтетических идеях Он считает, что цель искусства – истина, вбирающая в себя и нравственное и эстетическое начала Катков защищает самобытную область искусства от моралистических и утилитаристских посягательств

Среди современных исследований природы морализма в контексте отечественной культуры, в том числе и в русской нравственной философии, выделяется работа О. С. Соиной «Феномен русского морализаторства» Автор показывает, как в морализаторстве происходит самое безжалостное разрушение триединства Истины, Добра и Красоты, в результате чего духовное бытие во всем многообразии своих проявлений редуцируется до одномерного утилитаризма и прагматики

Феномен морализаторства характеризуется умалением эстетического и на основе идеологических представлений о сущности искусства Достаточно определенно по этому поводу высказался Ю. М. Лотман, по меткому выражению которого, искусство «не учебная книга и не руководство по морали»

Против морализма выступил и Гегель в своем фундаментальном труде «Эстетика» Философия абсолютного духа не позволяет искусству быть средством для достижения каких угодно (в том числе и моральных) целей

Оригинальная философия красоты и искусства, в которой раскрыты духовные и трансцендентные основы прекрасного, представлена в «Эстетике» Н. Гартмана Гартмановское понимание красоты, искусства и творчества не позволяет, с одной стороны, так абсолютизировать красоту, как это имеет место в теориях эстетизма, с другой, не позволяет редуцировать эстетическое к этическому, свести прекрасное к другим категориям и ценностям Иными словами, в философии Гартмана обнаруживается разработанная антиморалистическая теория

Важнейшим аргументом против сведения эстетического к этическому у Н. Гартмана служит идея о том, что «эстетические ценности могут быть присущи всему, что только существует, этические же – только человеку» Прекрасное принадлежит не только человеку и поэтому распространяется на всю область сущего, нравственное – присуще только человеку Это некоторая ценностная иерархия, исходящая из идеи уникальности антропологического и несводимости, то есть нередуцируемости челове-

ческого к нечеловеческому

3.2. Нравственные коллизии Л. Н. Толстого В качестве методологического инструмента в оценке наследия Толстого выбран принцип, предложенный Г. Флоровским в «Путях русского богословия», который позволяет выявить действительное значение Толстого, определить существенные особенности личности самого великого писателя и некоторые моралистические тенденции, присущие русской культуре

Флоровский называл учение Толстого «моральным позитивизмом», «моралистической робинзонадой» и «моралистической казуистикой». И это далеко не случайно, дав очень хлесткие и меткие эпитеты толстовскому морализму, Флоровский по сути дела раскрыл глубочайшие метафизические истоки этого феномена, корнящиеся в таких духовно и философски деформированных проявлениях мысли, как утопизм и рационализм.

Значительную часть своего трактата «Что такое искусство?» Толстой посвятил разрушению триады истины, добра и красоты, этой, как он ее называет, «баумгартеновской троицы» или «воображаемой троицы». И сама эстетика, и теория Баумгартена, и вообще все, что было написано по поводу и прекрасного и красоты в ее взаимодействии с добром и истиной объявляется Толстым «выдумкой» богатых классов европейского мира. Вот что он пишет в своем трактате: «Ученые люди пишут длинные туманные трактаты о красоте, как одном из членов эстетической троицы: красоты, истины и добра. И всем кажется, что, произнося эти сакраментальные слова, они говорят о чем-то вполне определенном и твердом, – таком, на чем можно основывать свои суждения. В сущности же слова эти не только не имеют никакого определенного смысла, но мешают тому, чтобы придать существующему искусству какой-нибудь определенный смысл, и нужны только для того, чтобы оправдать то ложное значение, которое мы приписываем искусству, передающему всякого рода чувства, как только эти чувства доставляют нам удовольствие».

Вся нигилистическая программа Толстого заключена в этих словах. Далее, в качестве теоретического обоснования нигилистического пафоса, следует антисинтетическая логика Толстого, направленная на то, чтобы разрушить триединство истины, добра и красоты, выдвинув на первое и главное место добро.

Размышления Толстого о несоизмеримости понятий истины, добра и красоты становятся более понятными на фоне идей об утилитарном назначении искусства Толстой доходит до формулировки афористических сентенций относительно несовместимости базовых понятий человеческой духовности «Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра» - так, почти диалектически, Толстой отрицает возможность соучастия красоты в добре. Более того, добро только тогда добро, когда оно отъединено от красоты.

В работе предпринимается попытка осмыслить феномен толстовского морализма, выделив его положительное значение. Не только искусство, но и наука (не говоря уже о религии) находятся, согласно Толстому, в поврежденном состоянии. Куда бы ни направил свой взгляд Толстой, он везде видит несовершенство, несоответствие существующего идеалу. Его взгляд действительно чрезвычайно сильно этически нагружен. С. Л. Франк и П. Б. Струве, назвали Толстого «моральным реформатором», который с одной стороны, «сам одно из грандиозных противоречий европейской культуры и был бы невозможен без Христа, Руссо, Шопенгауэра и Пушкина», с другой стороны, Толстой «обогащает и обновляет презираемую им культуру».

Наличие состояния наук и искусств, естественно не соответствует этому высокому моральному идеалу Толстого. Поэтому нигилизм Толстого носит содержательный характер, он отрицает ни само искусство, ни науку саму по себе, но неправильные их функции. Видение идеальной сущности науки и ее дела исходит у Толстого из глубокого нравственного чувства, из моральной уязвленности при отсутствии, однако, нравственной антиномичности, понимания того, что социальные пороки имеют более глубокую природу, чем что-то несовершенство или непонимание.

В истории философской мысли было много различных оценок и интерпретаций взглядов Толстого. В работе, помимо взглядов Флоровского, представлены также позиции П. В. Анненского, Е. П. Астафьева, Г. П. Федотова, Г. Г. Шпета. Весьма примечательно, что в таких оценках Толстого Флоровский не одинок не только среди отечественных философов и богословов. Очень похожую оценку Толстому дал крупнейший протестантский теолог XX века Х. Ричард Нибур в своей книге «Христос и культура», в которой Толстому посвящен отдельный раздел «Отрицание культуры у Льва Тол-

стого» Нибур сравнивает Толстого с Тертуллианом, а его деятельность характеризует как «крестовый поход против» культуры под знаком Христа

Этико-философский анализ морализма позволяет сделать некоторые выводы о природе этого явления. Во-первых, гипертрофированный акцент исключительно на добро всегда приводит к умалению, уничтожению и отрицанию самого добра. В этом смысле оборотной стороной морализма является нигилизм, в котором нравственная деформация проявляется наиболее сильно.

Во-вторых, абсолютизация добра не позволяет увидеть духовность красоты, которая далеко не в последнюю очередь связана с ее неутилитарным характером и способностью выводить человека в сферу чистой трансценденции.

В-третьих, необходимо полноценное нравственное чувство для того, чтобы распознавать соблазны морализма, которые проявляются весьма часто, особенно во времена духовной смуты и неопределенности.

Последняя глава диссертационного исследования **«Феномен эстетизма: анти-эстетическая абсолютизация красоты»** посвящена исследованию форм абсолютизации красоты, которые имели место в философских теориях и в художественной практике европейской культуры, начиная с Ренессанса.

4.1. От этоса к эстетизму: новая детерминация в культуре. В параграфе рассматривается культурная ситуация, когда господствующими идеалами становятся ограниченные ценности эстетики, которые приходят, как правило, после господства ограниченных ценностей морали. И если ситуацию начала XX столетия Г. П. Федотов называл «вампиризм эстетики», а С. Н. Булгаков охарактеризовал как «труп красоты», то сегодняшние исследователи уже говорят о «смерти человека» и об установке «убить искусство» как «эстетической» программе современной культуры.

Для современной культуры характерна усиливающаяся эстетизация всех сфер жизни, в том числе политики и экономики, а не только литературы и искусства. Эстетизация рассматривается как своеобразная метаиндустрия рыночного, постмодернистского общества (Р. Ратмайр). Эстетизм, как и морализм, имеют сходную родовую черту – забвение своего первоисточника, составляющего прецедент и для этического, и эсте-

эстетического дискурса вообще. Если в морализме происходит забвение добра, то в эстетизме, как ни парадоксально, – забвение красоты. Отечественный философ-эстетик А. В. Гулыга называет введение к своей книге «Эстетика в свете аксиологии» весьма показательным «Разрушение эстетики. Что дальше?». С тревогой анализирует автор сложившуюся ныне ситуацию в эстетике, которая является проекцией современной философской картины мира. Озабоченность вызвана тем, что красота как основная категория эстетики постепенно исчезает с горизонта этой науки, что влечет за собой исчезновение красоты из самого искусства и жизни.

В главе представлены критические суждения достаточно большого количества современных авторов различных позиций и направлений, что позволяет говорить уже о некоторой сформировавшейся сходной точке зрения на происходящие ныне процессы. Практически об одном и том же говорят теолог Э. Жильсон и лингвист Н. Д. Арутюнова, художник В. Л. Крылов и искусствовед В. Б. Мириманов, философ П. Рикер и литературовед С. И. Великовский, этик В. Н. Шердаков и эстетик Н. Б. Маньковская, политолог А. С. Панарин и писатель В. Г. Распутин.

В диссертации исследуются причины появления эстетизма. С этой точки зрения рассматриваются воззрения Ф. Ницше, которого часто весьма легковесно записывают в предтечи всех негативных проявлений культурной жизни, видя в нем апологета абсолютного эстетизма, который прямо пропорционален его имморализму и антихристианству.

В работе доказывается, что ситуация с Ницше гораздо сложнее. Примечательно в этом плане наблюдение А. Белого о переходе эстетизма в свою противоположность – в этику, который он отмечает, кроме Ницше, у О. Уайльда и Г. Ибсена. Взгляд на Ницше как на моралиста в большей степени соответствует реальному замыслу его философии, в основе которой лежит переоценка всех ценностей. Этот проект фундаментальной аксиологической реформации Ницше не имеет того примитивного нигилистического подтекста, который связан с отрицанием мира или на основании чувства *ненависти* (так называемый *рессентимент*) или на основании желания *резиньяции* (буддистская нирвана). И то, и другое было совершенно неприемлемо для немецкого философа, который стремился к утверждению сверхчеловеческого идеала не для разрушения человека, а для его

преодоления, то есть для воссоздания более достойного и благородного неморального образа человека. В этом контексте сентенция Ницше «человек – это то, что должно быть преодолено» не является максимой нигилизма, но выступает как моральный императив, требующий преодоления наличной природы человека.

Одним из первых серьезных критиков эстетизма в западной философии был С. Кьеркегор. Философ полагал, что эстетика вообще не может определить, в чем действительно состоит духовность. Это связано не столько с недооценкой собственно эстетических параметров красоты, сколько с определенным образом жизни и мировоззрением, а именно – эстетическим, который находится на низшей ступени развития по сравнению с этическим и религиозным. У Кьеркегора очевидно стремление не устранить эстетическое, но «компенсировать» его этическим и религиозным. Только в таком случае будет восстановлен подлинный смысл духовного, утраченный в эстетическом мировосприятии.

Абсолютизация красоты неправомерна потому, что, как показал С. Л. Франк в «Непостижимом», полагаться на красоту как на единственное начало, способное разрешить трагические противоречия и загадки, мучающие человеческое сердце, совершенно не обосновано. Это значит не понимать истинной сущности ни эстетического, ни онтологического. Франк приводит в пример Боттичелли, Гоголя, Толстого, подчеркивая, что в этих случаях имеет место «несовпадение красоты – эстетической гармонии – с подлинной, *примиряющей и спасающей нас сущностной гармонией бытия*»¹⁵.

Стремление обосновать несамодостаточность эстетики в отрыве от нравственных начал составляет главный замысел работы Г. П. Федотова «В защиту этики». О важности этики для понимания искусства философ говорит на примере творчества Г. Ибсена, раскрывая положительную сторону его «морализма». Рассуждения Г. П. Федотова о соотношении этики и эстетики в литературе напоминают размышления Н. Гартмана. Философ показал, что «моральное достоинство героя» может не соответствовать «художественным достоинствам поэтического произведения». Вся проблема, о которой задумался еще Гоголь, заключается в том, что «низменные и теневые стороны мо-

¹⁵ Франк С. Л. Непостижимое – М. Правда, 1990 – С. 215.

ральной жизни» могут быть изображены с художественным достоинством

В истории культуры были эпохи, когда эстетизация принималась за абсолют. Эта ситуация этически и логически вытекала из периодов, где господствующим было морализаторство. Когда средневековая и классицистская культура абсолютизируют моральную точку зрения, то на смену им приходят гедонистические теории Ренессанса, модернизма и постмодернизма.

4.2. Этико-эстетические коллизии европейской культуры В качестве методологической основы изучения эпохи Возрождения берется подход В. В. Бибикина и близкая ему позиция австрийского искусствоведа Х. Зедльмайра. Речь идет не об историческом, а об онтологическом взгляде на Возрождение, согласно которому Возрождение не прошлый период нашей истории, а ее суть. В. В. Бибикин описывает феномен Ренессанса через термины «суть», «соль», «смысл», «ключ», «возрождение», «восстановление», «восстание», «апокатастасис», «апокалипсис». Из историографического понятия, означающего период в европейской истории, Ренессанс становится мощнейшим феноменом духовной культуры человечества, без которого история не может состояться. В этом смысле Ренессанс всегда современен, мы всегда будем нуждаться в возрождении.

Принимая эту точку зрения, следует избегать морализаторской точки зрения на антиморализм Ренессанса. При этом совершенно естественно иметь в виду, ставший уже классическим, взгляд А. Ф. Лосева на эстетическую антитезу гуманистическому неоплатонизму эпохи, или иными словами, на «обратную сторону» Ренессанса. Сам Лосев прекрасно понимает ловушку морализма, в которую может попасть исследователь, настроенный благочестиво и нравственно. Моральная коллизия, этико-эстетический разлад эпохи Возрождения проявляется тогда, когда сталкиваются, с одной стороны, неоплатоническая эстетика, с другой, «стихийный индивидуализм эпохи». Философ характеризует появление личности в этот период в терминах «дикой и звериной эстетики». Это в чистом виде столкновение этики и эстетики, то, о чем говорил С. Л. Франк, когда абсолютизация красоты доходит до крайних пределов, и становится нечуткой к реальным противоречиям в бытии, к его трагическим разломам. Поэтому Лосев и говорит о «бесконечном самоутверждении» личности. Чтобы утвердиться в онтологически несовершенном мире, необходимо преодолеть моральный барьер. Тако-

ва логика любого эстетизма, и ренессансный эстетизм – наиболее подходящий пример этого рода

Парадокс в том, и это особо отметил Лосев, что, несмотря на свой вопиющий аморализм, эстетика Возрождения остается эстетикой. Целая эпоха в истории человеческой культуры это подтвердила. Вопиющий аморализм эпохи был санкционирован морально, только лишь с обратным знаком. И эстетический титанизм был как раз моральным оправданием этого «безграничного разгула страстей, пороков и преступлений»

Таким образом, эпоха Возрождения – это антиномия этики и эстетики, добра и красоты. Причем антиномия неразрешимая, свидетельствующая о неустранимом трагизме бытия.

В работе рассматриваются такие феномены культуры как маньеризм, культура Галантного века, классицизм, барокко, рококо, сентиментализм. Выявляется общая духовная основа, образующая и стилевое и смысловое единство культуры указанного периода. Галантный век эстетизировал все сферы культуры, заменяя прекрасное изящным.

Европа, а вместе с ней и Россия вернулись к эстетизации культуры на новом витке своего развития, в эпоху нового, более глубокого кризиса культурных смыслов в конце XIX-XX вв. Рассматривается творчество тех представителей культуры, у которых наиболее очевидно воплощен духовный надлом эпохи (А. Арто, Ж. Брак, А. Бретон, Ф. Кафка, Ж. Кокто, М. Пруст, П. Пикассо, Э. Сати, и др.)

4.3 Актуальное искусство: к вопросу об этико-эстетическом синтезе В параграфе дан анализ феномена «актуального искусства», критически осмысливается ситуация постмодерна в культуре.

Достаточно подробно рассмотрены коллизии постмодернистского мировоззрения, и сделан вывод о том, что постмодернистские декларации о закате всех форм рациональности оказываются преждевременными. Отрицание классических этико-эстетических и гносеологических парадигм не приводит к созданию новой творчески и духовно продуктивной реальности, так как постмодернистская онтология нигилизирует саму себя в акте иронично-игровой самореференции.

Заключение исследования представляет собой обобщенный взгляд на исследуемую проблематику, в котором особо выделяются следующие положения

Анализ основных способов духовного, нравственного, эстетического самоопределения человека в культуре, приводит к тому, что становится понятным ценность духовного не самоочевидна, она требует философского объяснения и нравственного оправдания

Согласно классической философии, бытие духа определяется триадой Истины, Добра и Красоты, которые, несмотря на любую философскую моду, ни на какие формы релятивизма и нигилизма, остаются неизменными в своем идеальном измерении. В самом стремлении к этим абсолютным ценностям проявляется глубинная сущность человека, превосходящая все его эмпирические проявления

Аналитика эмпирического бытия культуры в терминах *перихоресис* и *архитектоника* позволяет увидеть, что в действительности истина, добро и красота находятся в состоянии *неслиянности*. Это есть *сущее* культурного бытия. В свете *должного* стремление к синтезу и единству, то есть к их *нераздельности*, представляет собой духовно-нравственную и творческую основу культуры, которая в работе получила название *архитектоника культуры*

Триединство истины, добра и красоты имеет методологическое значение для этики, эстетики, гносеологии, философии культуры. Применительно к этике принцип триединства означает возможность постижения подлинного добра только в контексте его взаимосвязи с истиной и красотой, применительно к эстетике этот принцип означает раскрытие истинного смысла красоты во взаимосвязи с истиной и добром, а для гносеологии необходимо сопряжение истины с добром и красотой

Постепенное обособление в истории культуры истины, добра и красоты породило не только этику и эстетику, как самостоятельные теоретические дисциплины, но привело к абсолютизации истины, абсолютизации добра и абсолютизации красоты как автономных и самодостаточных начал. Разрушение этико-эстетического единства истины, добра и красоты отразилось на индивидуальном нравственном состоянии сознания человека, чья духовная целостность была нарушена, и реализовалось в негативных формах общественно-культурного бытия. Абсолютизация истины (гносеологизм) со-

здает предпосылки для господства сциентизма, абсолютизация добра (морализм) отражается на формировании антигуманных политических идеологий, абсолютизация красоты (эстетизм) провоцирует декадентские тенденции и приводит к засилью примитивных форм массовой культуры

Однако данное обособление в различные культурно-исторические эпохи носило различный характер и смысл. Несовпадение этики и эстетики, например, в контексте христианской культуры (Гоголь, Достоевский) – на самом деле свидетельство более глубокого драматического поиска единства добра и красоты. Здесь разыгрывается постоянный конфликт между «внешней» и «внутренней» красотой, трагизм ситуации усугубляется тем, что зло может быть «красиво», а добро внешне не всегда блистательно.

Это несовпадение этики и эстетики – стимул к обретению высшей гармонии, это знак несоответствия сущего должному, это знак разлада и хаоса, неправильного наличного положения вещей в мироздании.

Если сформулировать наиболее общие модели взаимодействия между истиной, добром и красотой, сложившиеся в контексте европейской культуры, то картина будет следующей:

Античный синтез истины, добра и красоты – статическая гармония математически прекрасного космоса, где общественные добродетели прямо пропорциональны индивидуальной калокагатии, здесь нет специализации и дифференциации, зато имеется целостность, и поэтому культура способна творить чудеса.

Христианский синтез – напряженный динамический поиск утраченной духовной гармонии истины, добра и красоты, расхождение между сущим и должным достигает катастрофических (эсхатологических) размеров, зато сильна духовно-нравственная работа по преображению человека и мира,

Рационалистический синтез новоевропейской философии – это диалектическая игра традиционных схоластических трансценденталий – ens (сущее), unum (единое), verum (истина), bonum (благо), pulchrum (прекрасное), которые, теряя онтологичность, теряют доверие в культуре и жизни, здесь реальный исток дифференциации (автономизации) базовых духовных ценностей.

Постмодернистский антисинтез – легитимизация наличного расхождения истины, добра и красоты, исключая философский поиск единства и нравственного преображения. Как следствие этого эстетизация – внешнее ироническое любование распадом мира без боли, без сожаления, и уже без надежды, и слишком усердная аналитика языка, приводящая к иронии и абсурду.

Духовный синтез русской философии – целостная линия философской культуры, уходящая своими корнями в традиции восточнохристианской духовности, и сохранившая преданность единству истины, добра и красоты, которые направлены на преображение человека и мира.

Главный итог работы в том, что автор стремился обосновать идею о специфической природе духовности, где внутреннее, органическое этико-эстетическое единство представляет собой ее бытийственный фундамент. Статус духовных ценностей, проявляющийся в виде триединства истины, добра и красоты, на уровне феноменологического прочтения культурных текстов эксплицируется в форме неслиянно-нераздельного единства этих трех ипостасей духовности.

В работе показано, что абсолютизация наличных, преимущественно игровых форм культуры, в которых происходит отрицание классического наследия и фундаментальных классических принципов философского мышления, непродуктивно ни для научного познания, ни для художественного творчества, ни для нравственного бытия личности и культуры.

Философский анализ не предполагает нахождения и установления соответствий между этическими и эстетическими категориями (возвышенное-героическое, злое-уродливое и др.), но означает раскрытие сущности духовных ценностей, в которых органично присутствуют в своем «неслиянно-нераздельном» единстве этические и эстетические понятия. «Нормальность» культуры определяется органичностью этих понятий, «ненормальность» (кризис) – дисгармоничностью (антисинтезом) этического и эстетического. Абсолютизация какой-либо ипостаси приводит к деформации духовных ценностей.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Монографии:

- 1. Архитектоника культуры: проблемы этико-эстетического синтеза** Издательско-полиграфический центр ВГУ, Воронеж, 2008 - 224с 14 п. л.
- 2 Россия и Франция. опыт культурного взаимодействия.** Изд-во ВГУ, 2006 – 114с (9 п л)

Статьи в изданиях,

рекомендованных ВАК Минобразования и науки РФ

- 3 Особенности абсолютизации добра в русской культуре // Социально-гуманитарные знания – М , – 2008 – № 3 – С 332–341**
- 4 Об актуальности духовного // Высшее образование в России – 2008 – №7 – С 130–135**
- 5 К вопросу о смыслах «актуального искусства» // Вестник Московского университета культуры и искусств – М , 2008 – № 5 – С 48–57**
- 6 Жак Маритен: Неотомистский опыт этико-эстетического синтеза // Вестник Тамбовского университета Серия Гуманитарные науки – Тамбов, 2008 – Вып 7 (63) – С 400–406**
- 7 Эстетический ригоризм или социальное алиби искусства // Вестник Томского университета Серия Гуманитарные науки – Томск, 2008 – № 310 – С 56–61**
- 8 Рыцарь красоты : (Некоторые аспекты этико-эстетического синтеза в философии Владимира Соловьева) // Вестник Самарского государственного университета Серия Гуманитарные науки – Самара, 2008 – № 4 (63) – С 333–342 (Статья принята в печать 26.12.06.)**
- 9 От этоса к эстезису // Вестник Волгоградского университета Серия 7, Философия Социология и социальные технологии – Волгоград, 2008 – № 2 (8) – С 34–42**

Статьи

- 10 **Философские основания этико-эстетического синтеза** // Практична філософія – Киев, 2008 – № 3 – С 107–113
- 11 **Этико-эстетический синтез как онтологическая основа духовных ценностей** // Материалы международной научно-практической конференции «Культурология пересечение научных сфер» Воронеж Кварта, 2008 – Вып 2 – С 97–109
- 12 **Особенности преподавания культурологии на негуманитарных факультетах** // Материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, 19–20 апреля 2007 г.) Воронеж Воронеж Гос Технол Акад, 2007 – С 125–129
- 13 **Преображение человека и мира в контексте идей Вл. Соловьева и Н. Федорова об искусстве: современный аспект** // Материалы межвузовской научной конференции «Русская философия о преобразении человека и мира» (11–12 мая 2007 г.) – Воронеж ВГЛТА, 2007 – С 113–118
- 14 **Абсурдный герой : проблема смысла существования (на примере произведений французских экзистенциалистов)** // Материалы Международной научно-практической конференции «Культурология пересечение научных сфер» – Воронеж Кварта, 2007 Вып 1 – С 89–95
- 15 **Любовь : преодоление хаоса или утрата гармонии (на материале рассказа Лавренева «Сорок первый»)** // Материалы Всероссийской конференции «Гармония и хаос этико-эстетические аспекты» (17–18 ноября 2006 г.) СПб, 2007 – С 69–72
- 16 **Шарль Бодлер : парадоксы интерпретации** // Материалы конференции «Зритель в искусстве интерпретация и творчество» (26–27 марта 2007 г.) СПб, 2007 – С 73–78
- 17 **Актуальное искусство : к вопросу об этико-эстетическом синтезе** Вестник научной сессии факультета философии и психологии – Воронеж 2007 Вып 7 – С 11–21
- 18 **Специфика образа героя в древнерусской культуре** // Материалы Всероссийской конференции «Первые Болховитиновские чтения Культурное пространство

России Прошлое Настоящее Будущее» (17–18 октября 2007 г) Воронеж Издательский дом Алейниковых, 2007 – С 123–130

19 **Русская классическая музыка и абсолютные ценности** // Материалы межвузовской научной конференции «Современная Россия забвение абсолютов» (12–13 мая 2006 г) – Воронеж ВГЛТА, 2006 – С 151–156

20 Советская песня в контексте культуры Великой Отечественной войны // Материалы Международной научной конференции «Мы выстояли и победили» (21–24 сентября 2005 г) Смоленск Смядынь, 2005 – С 497–500

21 **Некоторые особенности абсолютизации красоты.** Вестник научной сессии факультета философии и психологии – Воронеж, 2008 – Вып 10 – С 17–27

22 **Специфика французских заимствований в русском искусстве и дворянском быту XVIII века.** Вестник научной сессии факультета философии и психологии – Воронеж , 2006 – Вып 8 – С 99–107

23 **Некоторые особенности русского Просвещения.** Вестник научной сессии факультета философии и психологии – Воронеж, 2004 – Вып 7 – С 118–123

Учебно-методические и учебные пособия

24 **Культурология** учеб –метод Пособие для студентов технических ВУЗов – Воронеж Воронеж Технолог Акад , 2001 – 150 с

25 **Культурология** учеб –метод пособие для юристов / С А Симонова [и др] Воронеж Изд-во ВГУ – 2006 – 250 с

26 **Этика** учеб пособие / С А Симонова, В В Варава – Воронеж Изд –полиграф центр ВГУ – 2008 – 80 с

27 **Культурология** учеб –метод пособие для естественных ф-тов / С А, Симонова, И В Черниговских – Воронеж Изд –полиграф центр ВГУ – 2008 – 250 с

28 **Театр в контексте русской культуры** / Программа и планы семинарских занятий специального курса по культурологии – Воронеж Изд-во ВГУ – 2006 – 32 с

Подписано в печать 29 10 2008 г Заказ № 61

2,1 п л Тираж 100 экз

Отпечатано на факультете философии и политологии СПбГУ
199034, С -Петербург, Менделеевская лин , д 5